

Наш современник

ОТЕЦ И СЫН

СОТЦОМ мы познакомились вскоре после войны. Его сыну тогда было семь или восемь лет. Помню, тогда шутя я спросил отца:

— Какие трофеи в подарок сыну привезли с войны?

— Немалые, — улыбнулся он. — Пятьсот зарисовок огнестрельных, колотых, рваных ран.

— Сыну?!..

— И его сверстникам... Если они пожелают стать хирургами.

Мне было известно, что за годы войны ведущий хирург Армянской дивизии Андраник Джагарян сделал на фронте более десяти тысяч операций. Тысячи солдат и офицеров он вернул в строй.

Аспирант медицинского института, призванный на войну, в минуты затишья и отдыха он делал цветными карандашами зарисовки произведенных операций. Он думал о будущей мирной жизни, о сохранении опыта военной хирургии. Позднее защитил диссертацию на эту тему.

Кто знает, может быть, именно тогда его восьмилетний Лева, ученик ереванской школы имени Чкалова, рассматривая рисунки отца, зримо представлял себе фронт. Может быть, именно тогда в нем проснулось желание стать хирургом. Так это или не так, но после окончания средней школы Лева поступил в медицинский институт.

Юному Левону было чему поучиться у своего отца. Андраник Джагарян учился в докторантуре Научно-исследовательского института Вишневецкого, практикуясь в области сердечной хирургии. Там он создал ставший известным Атлас цветных рисунков операций врожденного порока сердца. На Международной выставке в Брюсселе Атлас удостоился высшей награды — золотой медали «Гран-при». У нас в стране — премия имени Бурденко. В предисловии к Атласу академик А. А. Вишневецкий пишет: «Атлас «Врожденные пороки сердца и магистральных сосудов» создан по нашему предложению на основе собственных анатомических исследований нашим сотрудником А. Д. Джагаряном, счастливо сочетающим в себе профессию хирурга и талант художника».

По возвращении в Ереван Джагарян возглавил первое в Армении отделение хирургии сердца (внутрисердечные операции при врожденных пороках), приступил к операциям на сердце. Позднее на базе этого отделения вырос ныне известный в стране Научно-исследовательский институт кардиологии и сердечной хирургии.

Сын с уважением смотрит на отца. Но у него свой путь, может быть, не менее трудный и сложный. Однажды между отцом и сыном-студентом состоялся такой разговор:

— Ты хочешь стать хирургом?

— Да, — ответил сын.

— Знаешь ли ты, что нужно, чтобы стать хирургом?

— Скажи.

— Любить людей больше собственной жизни. Много знать и трудиться. Кроме знаний и ясной головы у тебя должны быть пальцы музыканта, сердце летчика-испытателя, вкус художника, сила каменотеса и воля полководца. Способен ли ты на все это?

Подумав, сын ответил:

— Да.

С третьего курса со своими сверстниками он уехал на целину в Кустанайскую область и там работал каменщиком, сварщиком, механизатором — делал все, что поручали ему, не гаушался самой черной работы. Окончив институт, получил назначение в Алавердскую районную больницу.

В дождь и снег, на машине, а то и пешком шел он на помощь больным. Делал свои первые операции и не отходил от постели больного, пока не убеждался: все хорошо, жизнь вне опасности.

Идет время, накапливается опыт. Молодого хирурга переводят в Аштарак. Его неутомимость, работоспособность не остаются незамеченными. К этому времени Лево́н женится. Жена — молодой врач-окулист детской районной больницы. У них рож-

дается сын. Работа в сельском районе научила Левона быть собранным, выполнять многие обязанности.

Проходят годы. И вот Лево́н Джагарян — врач хирургического отделения второй клинической больницы в Ереване. Здесь ему есть у кого и чему поучиться. Молодой хирург оперирует под руководством члена-корреспондента Академии наук республики профессора Ивана Христофоровича Геворкяна.

Находясь в центре города, вторая клиническая больница через день бывает дежурной. Хирургическое отделение — это передовая линия любой дежурной больницы. Сюда поступают люди с тяжелыми травмами, острыми заболеваниями, требующими немедленного хирургического вмешательства. Дежурному врачу нужно быть особенно собранным, волевым, решительным, уметь в короткие минуты поставить диагноз, оперировать, не зная усталости, к утру быть свежим и бодрым, если придется — делать очередную операцию. Этими качествами обладают старшие коллеги-хирурги, работающие вместе с Левоном Джагаряном, его учителя. У него тоже есть опыт, накопленный за годы работы в районных больницах, умение проникнуть в психологию оперируемого, найти с ним контакт.

— Нужно ли это, — спрашиваю его, — когда требуется мгновенное хирургическое вмешательство?

— Нужно, — не задумываясь отвечает Лево́н. — Конечно, если больной в сознании. Психическое спокойствие больного, доверие к врачу — многое значат.

Профессор И. Геворкян внимательно наблюдает за молодым

хирургом, заботливо растит его. Не раз он советовал ему выбрать тему, подготовиться к поступлению в аспирантуру. Но Лево́н не спешит, считает, что у него еще недостаточно практического опыта. Он часто дежурит. Дома нередко советуют ему не увлекаться дежурствами. Прислушиваясь к замечаниям отца, сын улыбается. Он знает, с каким напряжением всю жизнь работал отец. Он понимает — в отце борются два чувства: хирурга, одобряющего младшего коллегу, и отца, опасющегося за здоровье сына.

И сейчас доктор медицинских наук, заслуженный деятель науки, заведующий кафедрой оперативной хирургии и топографической анатомии Ереванского медицинского института, профессор А. Джагарян — в увлекательном научном поиске. По черепам далеких предков он создает художественные скульптуры людей, живших в доурартскую и урартскую эпохи. Он использует самые последние достижения пластической анатомии, исторические данные для создания скульптурных портретов. Последняя его работа — скульптура поэта Петроса Дуряна (ни живописного портрета, ни фотографии поэта Дуряна до сих пор не существовало). Созданная по останкам черепа работа эта уникальна.

Широк мир интересов отца и сына. Их волнуют и последние достижения космонавтики и применение кибернетики в области медицины, и живопись. От отца Лево́н унаследовал привязанность к искусству, способности к рисованию и любовь к физическому труду.

Однажды, зайдя к Левону, чтобы поздравить его с новой квартирой, я был ошеломлен ералашем, царившим здесь. С

петель были сняты двери, выставлены рамы, разобран паркет, демонтирован водопровод.

— Что такое?!

Лево́н отложил в сторону рубанок, вытер со лба пот.

— Если бы врачи работали так, как некоторые строители жилых домов, ни один больной не поднялся бы с постели...

Это было невероятно. Все, что делали штукатуры, водопроводчики, столяры, паркетчики, маляры, Лево́н решил переделывать один. Я усомнился, сумеет ли. Слово угадав мои мысли, Лево́н сказал:

— Приходите месяцев через пять.

Беседуя, он продолжал работать. В его лонких руках нежно шелестел рубанок, пенилась душистая стружка. В стружке возился его малыш-сын. И мне подумалось: жизнь идет. Кем будет лет через тридцать его Сережа? Ведь он житель XXI века. Может быть, откроет новые миры, внесет новые цивилизации. Кто знает! Но я убежден, что, и ступив на далекую планету, он не забудет запах стружки и красок родного дома, ласковых рук матери и сильных рук отца. Мастерство отца, деда, прадеда в нем будет жить. Мастерство бессмертно.

Полгода в свободные часы Лево́н переделывал свою небольшую квартиру, находя в этом отдых и удовольствие. Могу сказать, сделал он это не хуже мастеров.

На даче собрались друзья и сверстники Левона. Среди них были коллеги-врачи, физики, художники, инженеры, музыканты, архитекторы. Наши с вами современники. Их вырастила древняя и обновленная Советская Армения.

М. ОВЧИННИКОВ.